

РОССИЯ И СИБИРЬ В ЕВРАЗИЙСКОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Продолжаем дискуссию¹

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.21684/2587-8484-2021-5-3-39-51

УДК 316.614.5

Идентичность сибирской молодежи в условиях модернизации российского общества

Александр Павлович Павлов

кандидат философских наук, доцент кафедры социологии,
Сибирский федеральный университет (г. Красноярск, РФ)
ORCID: 0000-0001-6706-8374
pavloff56@list.ru

Аннотация. Проблемы, поднимаемые в статье А. В. Иванова и Ю. В. Попкова «Духовно-экологическая цивилизационная перспектива: ценностный потенциал молодежи в сибирском контексте», опубликованной в журнале «Сибирский социум» № 1 (2021 г.), весьма актуальны в условиях серьезных внутренних и внешних «вызовов»: коронавирус, санкции ряда стран в отношении России, «утечка мозгов», особенно молодежи, необходимость радикальной модернизации общества в условиях мировой глобализации и т. д. Сибирь, безусловно, является одним из центров евразийской цивилизации. Сибирь — это регион не только с богатейшими природно-сырьевыми ресурсами, но, что не менее важно, человеческими ресурсами. Основной «человеческий капитал» — это молодежь. Авторы статьи справедливо отмечают ведущую роль молодежи в современных общественно-политических и экономических преобразованиях. В то же время «человеческий капитал», и прежде всего молодежный потенциал Сибири, используется неэффективно. Более того, молодые люди, не видя возможности самореализации в сибирском регионе, такие возможности находят за его пределами (в Москве, Санкт-Петербурге, других странах). «Утечка мозгов» молодежи — острейшая проблема не только Сибири, но и всей России. В данной статье развивается тема духовно-этической составляющей современных цивилизационных процессов, значительное место в которых занимает формирование социальной идентичности молодежи. При этом высказаны некоторые критические замечания по поводу статьи А. В. Иванова и Ю. В. Попкова. В частности, подвергается сомнению целесообразность обращения к опыту прошлого, к тем ценностям и морали, которые существовали более ста лет тому назад. Отмечается спорность отдельных выводов обсуждаемой статьи. Но, по мнению автора, именно в их неоднозначности состоит ее эвристический потенциал, поскольку они побуждают к дискуссии, формированию новых подходов. В статье выделены и проанализированы три основных парадигмы модернизации. На основе подхода Н. Лумана сформулирована структура цивилизационного порядка как аутопойетической системы. Обосновывается необходимость сохранения уникальных социокультурных ландшафтов Сибири.

¹ Статьи участников дискуссии будут опубликованы в ближайших выпусках «Сибирского социума» вне общей очереди в порядке их поступления (в случае успешного прохождения ими рецензирования).

Ключевые слова: Сибирь, молодежь, евразийская цивилизация, модернизация, этос.

ВВЕДЕНИЕ

После распада СССР, долгих лет относительной изоляции и закрытости Россия включилась в мировой глобальный информационный порядок. Этот процесс, особенно в так называемые «лихие девяностые» прошлого столетия, сопровождался радикальной трансформацией общественного сознания, размыванием, казалось бы, незыблемых ценностей, присущих советскому человеку.

Процесс «вхождения» России в мировое информационное пространство, начиная с конца восьмидесятых годов, осуществлялся в фантастически короткие по историческим меркам сроки. На обломках некогда могущественной советской империи образовался новый социум с неопределенным общественно-политическим лицом, социально-экономическим строем и идеологией. За несколько лет была разрушена не только советская экономика, но и базовая система ценностей, а также инфраструктура, которая ее транслировала (институты воспитания, просвещения, СМИ и т. д.).

Ни о какой цивилизационной перспективе в условиях «дикого капитализма» не могло быть и речи. Россия в «лихие девяностые» превратилась в страну «третьего мира», коррумпированную, обнищавшую, утратившую имидж великой державы.

Ситуация стала меняться в последние два десятилетия. Страна «встала на ноги», улучшилась социально-экономическая и общественно-политическая ситуация. Но все мы знаем, какие события произошли в мире за последние годы. Россия находится под санкциями развитых стран Запада из-за присоединения Крыма. Коронавирус принес не только болезни, страдания людям. Следствием вынужденных ограничений и изоляции в условиях пандемии стали снижение производственной и деловой активности, ухудшение экономической

Цитирование: Павлов А. П. Идентичность сибирской молодежи в условиях модернизации российского общества / А. П. Павлов // Siberian Socium. 2021. Том 5. № 3 (17). С. 39-51.
DOI: 10.21684/2587-8484-2021-5-3-39-51

конъюнктуры, в конечном счете — снижение показателей качества жизни людей.

Единственный путь преодоления политических, экономических и гуманитарных проблем в России — модернизация всего общества, включая экономику, социальную и духовную сферы. У модернизации нет альтернативы. Но какова цена модернизации и каковы способы ее осуществления?

Модернизации и цивилизационным преобразованиям в России и в сибирском регионе, ее перспективам и социокультурным последствиям российские ученые уделяют значительное внимание [5-7, 10, 11 и др.].

Всё многообразие моделей, технологий, методов модернизации можно объединить в три кластера (парадигмы).

1. *Модернизация «сверху».* Данный вид модернизации характерен для российской истории. Можно вспомнить преобразования Петра Великого в XVIII в. или процессы коллективизации и индустриализации в 20-30-е годы прошлого столетия. Основные особенности «модернизации сверху» — определяющая роль государства как основного регулятора модернизационного процесса, его принудительно-мобилизационный характер. Модернизация осуществлялась при отсутствии гражданских инициатив, принудительно, с гуманитарными потерями (снижение качества жизни, утрата здоровья, ущемление личных свобод и т. д.).

Еще одна дисфункциональная составляющая модернизации «сверху» — отсутствие духовной преемственности. Чтобы общество могло двигаться дальше, оно должно не только не растерять достигнутого, но и не утратить преемственности. В противном случае общество может потерять свою идентичность, превращаясь в механиче-

ский конгломерат. И результаты такой модернизации будут кратковременными.

Модернизация «сверху» носила вынужденный характер, когда страна перманентно находилась в состоянии догоняющей модернизации, когда необходимо было решать кардинальные задачи — технологические, геополитические, военные — в короткие сроки. И у России это часто получалось. Те стадии, которые Европа проходила за века, Россия принуждена была пройти в течение десятилетий.

Но в процессе «исторической гонки» нарушается внутреннее равновесие социума как экосистемы. Консервативные структуры — церковь, община, соборный менталитет, призванные при условии сохранения этого равновесия генерировать свободное самодеятельное общество, либо «уходят в себя», либо искусственно привязываются, подчиняются административной власти.

2. *Модернизация «снизу»*, или либеральная модель модернизации, основана на частных и гражданских инициативах. Государство, безусловно, участвует в модернизационном процессе, но наряду с другими акторами — индивидами, институтами гражданского общества.

Западные либеральные социологи, политологи, занимающиеся изучением процессов модернизации и глобализации в России, связывают неэффективность модернизации в России в начале двадцать первого столетия с отсутствием или слабостью гражданского общества, «подлинной» демократии и парламентаризма, неразвитостью правовой основы, коррумпированностью государственных и бизнес-структур [17, 19].

Но очевидно, что выводы данных ученых носят поверхностный характер. Не отрицая того, что институты гражданского общества в современной России находятся в стадии становления, следует отметить, что «торможение» процессов модернизации в значительной мере обусловлено отсутствием должной органичной связи ее этической, политической и технологической составляющих. Успехи модернизации Японии, Сингапура, Южной Кореи, Китая как раз обусловлены органичным балансом указанных составляющих.

3. *Либерально-консервативная модель модернизации*. Данная модель и есть органический синтез, взаимное дополнение либеральных и консервативных ценностей и институтов.

Можно предположить, эту органическую связь имели в виду А. В. Иванов и Ю. В. Попков, используя словосочетание «духовно-экологическая цивилизация». Очевидно, что значение слова «экологический» выходит за рамки охраны окружающей среды. Речь идет об органике социального мира, образующей экологический ландшафт, в котором цивилизационные нормы, технологии и институты подпитываются этико-духовной энергетикой.

Можно согласиться с выдающимся израильским ученым Ш. Айзенштадтом в том, что не существует универсальной модели модернизации. У каждой страны свой исторический опыт модернизации. Успех модернизации зависит от той исторически апробированной культурной программы, которая лежит в основании любого модернизационного процесса [16, 17].

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Интерес к евразийству не только ученых, но и советской общественности в восьмидесятые годы прошлого века не в последнюю очередь был связан с работами Л. Н. Гумилёва. Однако этот интерес не выходил за историко-просветительские рамки. СССР — могущественная в политическом, экономическом, идеологическом и культурном отношении империя. Советское общество было самодостаточно с точки зрения способов самоидентичности. В СССР были созданы условия (культурно-просветительские, идеологические, институциональные) для того, чтобы идеологемы и мифологемы социализма (в советской версии) воплотились в реальную практику миллионов людей в качестве их базовых поведенческих императивов.

Тема евразийства в начале XXI в. вновь стала чрезвычайно актуальной в силу политических и геополитических трансформаций, и прежде всего с связи с распадом СССР. Россия уже как самостоятельный и молодой (по историческим меркам) политический субъект нуждается в надежных

способах самоидентификации в новых условиях, в определении собственного места в мировом глобальном пространстве. Но для этого необходимо субстанциональное смысловое ядро, сплачивающее и «собирающее» общество. Возможно, таким ядром выступает евразийство как социально-политический концепт и как этико-духовное мировоззрение.

Основная идея евразийства, как известно, состоит в том, что Россия как цивилизация исторически, географически и ментально занимает особое место в мировом цивилизационном пространстве, находясь на границе (географической и ментальной) между Европой и Азией. При этом, вбирая в себя элементы европейской и азиатской цивилизаций, Россия остается самобытной страной, не сводимой ни к Востоку, ни к Западу.

Насколько актуальна топика евразийства в двадцать первом столетии в условиях мировой глобализации, и какова судьба и перспективы развития Сибири как политико-экономического и культурного центра евразийской цивилизации (по крайней мере, так считают А. В. Иванов и Ю. В. Попков)?

Современный мир развивается противоречиво. С одной стороны, наблюдается развитие современных информационных технологий, тотальное проникновение в политику, экономику, духовную и повседневную жизнь людей разных стран культурных паттернов, ценностей западной цивилизации (в основном США). С другой стороны, заметно и стремление ряда стран в условиях глобализации и «сетевого общества» сохранить свою идентичность.

Возрождение и реализация евразийского проекта (разумеется, с учетом новых реалий), по мнению ряда политиков и ученых, будет способствовать не только сохранению самобытности и самоидентичности народов и государств, которые связывают свою судьбу с евразийством, но и позволит им более эффективно «встраиваться» в процессы модернизации, с учетом исторической, социокультурной специфики, менталитета и т. д. [3, 5, 6, 12 и др.].

Но как соединить две названные тенденции: глобализацию и связанную с ней модернизацию общества и стремление народов и стран к об-

ретению утраченной самобытности и самоидентичности?

Проблема идентичности и самоидентичности общества и его членов, включая молодежь, а также необходимости учитывать исторические традиции и специфику общественной жизни и менталитета в условиях модернизации сегодня находится в центре внимания ученых [1, 2, 4, 11, 20 и др.]. Важно осознавать, что это не только вопрос этический, но и вполне прагматический. Для того чтобы эффективно осуществлять модернизацию, необходимо осмысливать гуманитарные ресурсы, посредством которых она осуществляется, а также ее гуманитарные последствия. Т. е. речь идет о том, что базовым условием модернизации является даже не технологическая компетентность людей, а осознание ими ее необходимости, а также доверие к акторам (представителям власти и бизнеса), которые ее осуществляют. А это доверие невозможно без понимания того, как модернизация «встраивается» в жизненный уклад людей, учитывает сложившиеся веками традиции, ценности, образ жизни. Поиски такого единства сегодня крайне необходимы для утверждения евразийской цивилизации, евразийского цивилизационного порядка.

Несколько слов следует сказать о самом цивилизационном порядке, который представляет собой синтез мирского порядка и порядка трансцендентного (Ш. Айзенштадт).

Мирской порядок — это порядок жизни, подчиняющийся здравому смыслу и функциональной целесообразности. Он включает институциональную и нормативную организацию социального воспроизводства.

Трансцендентный порядок — идеальный порядок, представленный в религиозных и светских «картинах мира», сакральных традициях, обычаях и практиках.

В традиционном теократическом обществе мирской порядок всецело подчинялся трансцендентному. В девятнадцатом столетии в странах западной Европы и США результатом буржуазных преобразований стало ослабление влияния церкви и церковных субстанциональных скрепов в виде картин мира. Им на смену приходят свет-

ские «картины мира», ценности, идеологические доктрины. В XXI в. роль трансцендентных скрепов, по-видимому, берут на себя Интернет и социальные сети.

Сегодня происходит возрождение трансцендентных скрепов, образующих почву, на которой не только возможна полноценная духовная жизнь людей, но и создаются предпосылки для технологического прорыва, успешной модернизации в XXI в.

Но нужны ли сегодня трансцендентные скрепы (идеологические доктрины, фундаментальные этические принципы, ценности, социокоды)? Уровень развития современных технологий (включая социальные технологии), казалось бы, позволяет решать как собственно технологические, так и социальные проблемы общества и его членов, не прибегая к трансцендентным матрицам (русского социокода), идеологемам (например, «русского мира»).

Для того чтобы понять значение трансцендентного порядка в конструкции цивилизационного порядка, в частности евразийского, следует не только раскрыть структуру последнего, но и выявить механизм его воспроизводства. И здесь следует обратиться к концепту аутопойезиса, авторство которого разделяют чилийские микробиологи У. Матурана и Ф. Варела и немецкий социолог Н. Луман.

Опираясь на идеи названных ученых, мы определяем цивилизационный порядок как систему, которая способна селективировать социально значимую информацию в соответствии с возможностями ее воспроизводства и роста. Иными словами, такая система регулирует и контролирует внешние и внутренние информационные потоки. Она (система) способна отслеживать те процессы, которые происходят внутри нее самой, творить самую себя на основе того уровня информации о себе самой, которой она располагает. Такое свойство самопорождения Н. Луман называл аутопойезисом [18].

Что собой представляет цивилизационный порядок как аутопойетическая система?

На наш взгляд, он представляет собой сложное историко-культурное образование, включающее ряд взаимосвязанных элементов.

1. Социокультурные ландшафты.

Это складывающиеся исторически жизненные пространства индивидов. Социокультурные ландшафты выходят за рамки физических территорий. Они включают в себя также феноменальные («виртуальные») пространства — представления людей о своей жизни, которая ассоциируется с определенным местом проживания. Социокультурный ландшафт выполняет роль символического универсума — реального и, вместе с тем, идеального космоса, внутри которого только возможен смысл бытия.

Сегодня социокультурные пространства разрушаются. Это связано с комплексом причин. Отметим лишь одну специфическую особенность данного процесса в Сибири. Она состоит в том, что сибирский регион по-прежнему рассматривается как сырьевой придаток России. Это экстремальное место проживания, особенно в сельской местности, где уровень социального благополучия и защищенности крайне низок. Поэтому вполне объясним массовый отток русскоязычного населения из данного региона.

Те, кто был в районе «строек века» в 90-е гг. XX в., ужаснется при виде грандиозных памятников-призраков былого недалековидного подхода к освоению Сибири. А ведь БАМ, КАТЭК — это социокультурные ландшафты, которые так и не сформировались и попросту исчезли. К ним можно добавить такие уникальные ландшафты, как Академгородки, которые переживают не лучшие времена.

В то же время, в Сибири сохраняются уникальные культурные ландшафты, нетронутые глобализацией, такие как старинные русские города: Тобольск, Томск, Минусинск, Енисейск. Пока еще не разрушены археологические и этнографические комплексы, например, на юге Красноярского края, Хакасии, интереснейшие социокультурные ландшафты национальных диаспор, религиозных общин, малочисленных народов Крайнего Севера.

Жизненное пространство Сибири в силу разных причин осваивалось крайне нерационально. В основном это поселения возле Транссибирской магистрали, крупных промышленных произ-

водств, многие из которых расположены в районах Крайнего Севера, где нет нормальных условий для элементарно комфортного человеческого существования. Многие пространства на юге Сибири (не говоря уже о северных территориях), в том числе Красноярского края, освоены слабо.

2. Культура и информационный ресурс.

Жители Москвы, Петербурга и других городов России получают гораздо больше сведений о том, что происходит где-нибудь в Колумбии или Грузии, не говоря уже о США и других странах Запада, нежели в сибирском регионе. Сибирь, так же как и большинство других регионов страны, была и остается «информационной провинцией» Москвы. Экономическая и финансовая диспропорция между «центром» и «периферией» дополняется и усугубляется диспропорцией в перераспределении информационного капитала.

Москва, сосредоточившая у себя значительные информационные ресурсы, определяет информационную политику в стране в целом. Информации о жизни Сибири и сибиряков в центральных СМИ очень мало.

Что сегодня сообщают о Сибири? В основном это короткая информация (справочного характера) о текущих событиях. Серьезных аналитических передач о жизни сибирских регионов, городов практически нет. В отечественных СМИ слабо освещается история Сибири, ее культура, жизнь замечательных людей. Возможно, отчасти в этом вина сибирской интеллигенции, особенно обществоведов (историков, социологов, культурологов и т. д.), а также местных властей и СМИ.

В советское время культурной сфере власти уделяли большое внимание. Конечно, культура в значительной мере выполняла идеологический заказ — формирование советского человека (*Homo Sovieticus*). Культурная сфера в Сибири, так же как и в других регионах страны, финансировалась по «остаточному» принципу.

Тем не менее положительный опыт культурного строительства в СССР, безусловно, был. В частности, можно отметить развитие клубной и библиотечной систем в городах и сельской местности, стимулирование народной культуры и т. д.

Советские власти прекрасно понимали, что культура (как «высокая», «классическая», так и быденная и народная) — это тот ресурс, который позволяет удерживать населения на данной территории. Она сплачивает людей, придает им смысл существования. Позитивный опыт СССР в области культурного строительства, безусловно, необходимо возрождать и использовать.

3. Образование.

Образовательный компонент очень важен не только с точки зрения создания мощной образовательной и интеллектуальной базы (отсюда — необходимость создания новых высших учебных заведений в Сибири). Важным результатом развития образования является возрождение интеллектуальной элиты Сибири — интеллигенции.

В Сибири всегда была самобытная, патриотично настроенная интеллигенция, с давними историческими традициями. Эти традиции сохранялись и преумножались в советский период, особенно после войны. В Сибири всегда много было замечательных писателей, ученых, художников. Они есть и сегодня. Однако их роль в сохранении культурной идентичности существенно ослабла.

4. Этосы.

В научной литературе нет однозначного определения и понимания этоса. Существуют различные трактовки данного понятия. Так, известный немецкий философ М. Шелер рассматривал этос как устойчивую структуру жизненных (витальных) качеств и потребностей человека. Британский ученый Н. Элиас осмысливал этос как общественные нравы, обычаи, привычки, которые складывались на протяжении определенного исторического периода. Польская ученоя М. Оссовская определяет этос как стиль жизни. А. Пригожин понимает этос как практические поведенческие нормы. Р. Мертон рассматривает этос как этические правила и императивы, регулирующие поведение членов коллектива (например, научного). В. И. Бакштановский и Ю. В. Согомонов рассматривают этос как взаимосвязь быденной, повседневной этики и идеально-должных паттернов и императивов.

Важно понимать, что этические нормы не могут быть директивно установлены и внедрены в

общественную жизнь людей. Можно вспомнить, как на Руси долго и тяжело устанавливалась этика православной церкви. Речь идет не об обрядовой, институциональной этике, а о повседневной морали людей, в которой христианские императивы сочетались с языческими этическими практиками, обычаями, традициями. С другой стороны, этические нормы достаточно консервативны и инерционны. Они могут существовать явно или неявно достаточно продолжительное время, даже в условиях радикальных реформ и трансформации общества, когда старые нормы и правила жизни отвергаются и замещаются новыми.

Примеров тому множество. Из русской истории можно вспомнить коллизии Великого Раскола XVII в. — непринятие сторонниками старообрядческой веры реформ Никона. В современной истории уместно вспомнить девяностые годы («лихие девяностые»), когда образовался «дикий капитализм» со своими правилами жизни и этикой «либерализма».

Кавычки поставлены не случайно. Либерализм «лихих девяностых» с его принципами «жить по понятиям», «хочешь жить — умей вертеться», «после меня хоть потоп» и т. д. отличается от либерализма русских этосов конца XIX — начала XX в. (купцов, крестьян, городского мещанства и т. д.).

Но этосы XXI в. в России — малоизученная тема. Можно ли говорить о том, что в этико-духовном плане поколения, живущие в реалиях «сетевого мира», совсем другие по своим потребностям, образу жизни, менталитету? Или, быть может, социокоды, глубинные моральные установки у поколений, включая, прежде всего, живущих в новом столетии, не изменились?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, вернемся к некоторым идеям статьи А. В. Иванова и Ю. В. Попкова, посвященным евразийской цивилизации и анализу ценностного потенциала сибирской молодежи.

Этико-экологической основой евразийского цивилизационного проекта, по мнению авторов анализируемой статьи, является этика нестяжательства, которая существовала еще во времена русского средневековья. Возможно ли и необхо-

димо ли обращаться к опыту прошлого, к тем ценностям и морали, которые были более ста лет тому назад?

Авторы выдвигают интересные и смелые идеи. Например, что в новых условиях, безусловно, будет востребован успешный опыт сибирской кооперации рубежа XIX-XX вв., а также традиции сибирской хозяйственной предприимчивости и социальной инициативы. Но эти идеи не всегда подкрепляются развернутыми подтверждениями, фактами, аргументами. Хотя следует признать, что данный опыт необходимо использовать (хотя бы экспериментально) как возможную альтернативу современным формам и способам бизнеса и хозяйствования.

Авторы, с одной стороны, сокрушаются о том, что в современном мире нет единства, что нашло свое подтверждение в неспособности противодействовать общей проблеме — коронавирусу. С другой стороны, они с осуждением воспринимают официальную установку федеральных властей на интеграцию российского общества в «прогрессивную» мировую цивилизацию.

Конечно, существуют риски, связанные с включенностью России и Сибири в процессы мировой глобализации (утрата национальной, социокультурной идентичности, снижение уровня и качества жизни значительной части населения, социальное неравенство и несправедливость). С другой стороны, политика культурного, духовно-этического изоляционизма страны и сибирского региона негативна по своим технологическим и гуманитарным последствиям. Политика изоляционизма, «замыкание на себе», особенно в XXI в. — это тупиковый путь. Глобализация, при всех ее выраженных дисфункциях, — это объективная данность со всеми плюсами и минусами.

Авторы не поясняют, какие социумы, страны они имеют в виду, когда пишут о техногенно-потребительской цивилизации (которая является объектом критики). Если речь идет о развитых западных странах, таких как Канада, Швеция, Германия, Финляндия и даже США, то не зазорно поучиться у них бережному экологическому отношению к природе. Индивидуализм и конкуренция совсем не мешают правительствам и

частному бизнесу в этих странах выделять немалые средства на социальные программы и образование. Или же речь идет о том, что в настоящее время сама Россия представляет собой данный тип цивилизации?

Таким образом, на основании изложенного можно сделать некоторые выводы.

Во-первых, перефразируя и дополняя известный афоризм, можно сказать: богатство России будет прирастать Сибирью при условии благополучия сибирских регионов и населения, которое в них проживает. Сибиряки должны быть хозяевами на своей земле. Это вовсе не означает, что Сибирь должна отделиться от остальной России.

Во-вторых, региональная политика в целом, и особенно в отношении Сибири, должна быть, на наш взгляд, направлена на формирование культурных ландшафтов, создание условий не для выживания, а для нормальной полноценной жизни.

В-третьих, сегодня как никогда нужна информационная поддержка Сибири, повышение ее имиджа.

Если указанные условия не будут созданы уже в ближайшее время, печальный сценарий развития сибирского региона нетрудно представить. Разрушение культурных ландшафтов и связанных с ними традиционных укладов, образов жизни, особенно в сельской местности и в районах проживания коренных народов, интенсифицирует процесс деградации населения. Наиболее здоровая его часть будет стремиться покинуть места, с которыми ее ничего больше не связывает. Вместо традиционных сибирских культурных ландшафтов будут создаваться новые, с иными культурно-этническими этосами. Их социальными носителями будут выходцы из ближнего и дальнего зарубежья. Последние более консолидированы, сплочены и более предприимчивы, чем местное население.

Ставка на Сибирь в реализации проектов модернизации страны оправдывает себя только в одном случае — предоставления сибирякам и сибирским регионам больше свободы и возможностей в использовании собственных ресурсов (человеческих, природно-сырьевых).

Модернизация в России, к сожалению, по крайней мере, на первых этапах ее осуществле-

ния, не может не основываться на эксплуатации природных богатств. Поскольку эти богатства сосредоточены преимущественно в Сибири, данный регион еще, по-видимому, долго будет сырьевым придатком страны, каковым он был на протяжении многих десятилетий, как в Российской империи, так и в советский период.

Социолог должен рассматривать социально-экономическую, гуманитарную и политическую ситуацию в Сибири не с позиций добрых пожеланий (кто будет спорить с тем, что необходимо создавать комфортные условия для нормальной жизни, человеческого общежития?), а с учетом объективных реалий. А они таковы, что качество жизни в сибирском регионе ниже, чем во многих других регионах страны. Кто-то может возразить: в сибирских городах ситуация с занятостью и зарплатами по сравнению с городами в европейской части страны (за исключением, конечно, Москвы, Санкт-Петербурга, Казани) более или менее благополучная. Но качество жизни — это не только зарплаты и занятость (хотя в сибирской сельской глубинке и малых городах проблема занятости стоит очень остро). Качество жизни — это состояние экологической среды, культуры, образования, да и просто нормального бытового комфорта. Лишь один пример: Сибирь и Дальний Восток газифицированы менее чем на 10%!

Авторы обсуждаемой статьи справедливо обращают внимание на молодежь Сибири как ведущую силу макрорегиона, претендующую быть центром евразийской цивилизации. При этом они полагают, что «лишь» 41% опрошенных студентов связывают свою судьбу с Сибирью и отмечают, что такую ситуацию нельзя оценить как благоприятную для будущего Сибири. Но почему молодежь обязательно должны связывать свою судьбу с Сибирью? Да, сибирский патриотизм — это хорошо. Но мы живем всё же в единой стране, название которой Россия.

Российское общество переживает сложные времена. Непрерывная череда санкций со стороны западных стран, вводимых в отношении нашей страны под предлогом присоединения Крыма и ситуации на юго-востоке Украины, резкое

обострение напряженности между Россией и странами НАТО, наконец, пандемия коронавируса — всё это объективно сдерживает процесс модернизации.

В то же время, у России нет другого выбора, нет альтернативы модернизации.

Существует множество моделей, парадигм модернизации. Но при всём их многообразии есть одно обязательное условие — наличие человеческого ресурса. Авторы статьи справедливо отмечают, что таким ресурсом является молодежь, в частности, молодежь Сибири.

Молодежь

Судьба модернизации и необходимых реформ в различных сферах общественной жизни России зависит от активного включения в данный процесс молодых людей. Молодежь — это не просто поколение молодых людей. Это социальная группа, обладающая собственными этическими и ментальными характеристиками.

Российская молодежь в условиях модернизации и социокультурной трансформации общества находится в центре внимания отечественных социологов [7, 8, 13, 16, 20 и др.]. Обладают ли молодые сибиряки профессиональными и личностными качествами, позволяющими им быть полноценными акторами современных модернизационных процессов?

Авторы статьи сосредотачивают внимание на важном, но далеко не единственном качестве молодых людей — патриотизме. На наш взгляд, необходимо обратиться и к другим важным социально-нравственным качествам: профессиональным компетенциям, технологической культуре, и особенно способности и готовности принимать нестандартные креативные решения, инициативности, способности к самоанализу и т. д.

Ставка на патриотизм, точнее сказать, на энтузиазм молодых «срабатывала» в годы советской власти. Советская молодежь действительно была той социальной силой, которая позволила сделать страну передовой державой.

Немаловажную роль в мобилизации и стимулировании молодежи в свое время играл идеологический фактор. Но данный фактор эффективен,

если воспользоваться спортивной терминологией, на «короткие» и на «средние» дистанции. Т. е. можно мобилизовать молодежь, стимулировать ее деятельность на благо страны с помощью идеологии в кризисные или переходные моменты в жизни и развитии страны, периоды ее становления (коллективизация, индустриализация и т. д.), противостояния внешней агрессии (Великая Отечественная война, «холодная война»).

Идеологический ресурс эффективен при мобилизационной экономике, которая характерна как раз в кризисные и переломные моменты в истории страны, когда цели достигались любой ценой, даже ценой человеческих жизней и здоровья людей, подчинением личных интересов государственным.

Однако идеологический ресурс оказался, с одной стороны, ограниченным и, в конечном счете, неэффективным в условиях относительной стабильности и благополучия. Тем более что в девяностые годы прошлого века практически все идеологические институты, действовавшие в СССР, были разрушены (пионерская и комсомольская организации, военно-патриотические структуры и т. д.).

Сегодня молодые люди хотят комфортной благополучной жизни, высокооплачиваемой работы, возможности свободно путешествовать, иметь хорошие жилищные условия, модную одежду, машину. И упрекать их за это и уж тем более обвинять в отсутствии патриотизма несправедливо.

В современных условиях ставка лишь на идеологию и пропаганду как ресурс воспроизводства человеческого потенциала (особенно молодежного) уже не работает. И дело тут не только в нежелании молодых людей работать на государство, в иждивенчестве и эгоизме, в выраженной гедонистической ориентации (особенно в «лихие девяностые»). Модернизация общества (не только экономики) требует появления нового типа социального актора и новых социальных практик. Таким новым типом социального актора выступает молодежь. Молодые люди второй декады XXI в. живут в новой «сетевой» реальности, они создали собственный сетевой этос, сетевую солидарность, при-

чем весьма действенную и эффективную и отнюдь не «виртуальную».

Конечно, реальный социальный мир молодежи не исчезает в «сетях», не абсорбируется сетями. Он никуда не исчез. Пресловутое поколение «Z» — это такие же молодые люди «из плоти и крови», как и их сверстники «доонлайновых» эпох. Сети не замещают «реальное общество», но существенным образом его преобразуют. И это преобразование осуществляется не без определенных «онтологических потерь»: утрата традиционных способов поддержания социальной идентичности, в частности, живого непосредственного общения, ослабление преемственной связи молодежи со старшими поколениями и т. д. Хотя эти потери не следует преувеличивать.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В качестве заключения еще раз вернемся к анализируемой статье А. В. Иванова и Ю. В. Попкова.

В целом статья представляет интерес по следующим причинам:

1. Обращение к теме, которая в девяностые годы прошлого века была очень популярной: евразийство как новый тип цивилизационного устройства, имеющий собственный социокультурный код. Но в последние годы, как представляется, данная тема перестала быть столь популярной. Особенно когда речь идет о Сибири как о возможном центре евразийской цивилизации. К сожалению, сегодня Сибирь остается во многом сырьевым придатком страны. Само по себе обращение к евразийской топике (которую в последнее время стали забывать или не замечать) следует приветствовать. Авторы справедливо отмечают роль Сибири как некоего социокультурного ядра евразийской цивилизации в XXI в.
2. Статья действительно «спорная». Но именно в неоднозначности выводов состоит ее эвристический потенциал, поскольку они побуждают к дискуссии, приглашают к обсуждению.
3. Можно согласиться с мнением авторов в том, что именно молодежь выступает коллективным «актером» цивилизационных перемен (хотя, разумеется, не единственным). И вполне уместен проведенный авторами социологический опрос, выявляющий отношение молодежи к оценке места Сибири в процессе формирования духовно-экологических основ новой цивилизации, а также ее собственной роли в этом процессе.

Но важно учитывать, что молодежь XXI в. совсем другая по сравнению с молодежью «лихих девяностых», и тем более времен СССР. Современная молодежь неоднородна по потребностям, интересам, ценностным ориентациям, качеству жизни и т. д. И, разумеется, это далеко не только студенты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимова А. А. Сибирская идентичность как фактор устойчивого развития Сибири / А. А. Анисимова, О. Г. Ечевская // *Всероссийский экономический журнал ЭКО*. 2013. № 1 (463). С. 58-76.
2. Дробижина Л. М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения / Л. М. Дробижина // *Социологические исследования*. 2020. № 8. С. 37-50.
DOI: 10.31857/S013216250009460-9
3. *Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация* / под ред. Ю. В. Попкова. Новосибирск: Нонпарель, 2010. 449 с.
4. Зиновьев В. П. Сибирь в современной России: исторические традиции и перспективы модернизации / В. П. Зиновьев // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2017. № 46. С. 81-84.
5. Иванов А. В. На путях к новой цивилизации (очерки духовно-экологического мировоззрения) / А. В. Иванов, И. В. Фотиева, М. Ю. Шишин. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2014. 219 с.
6. Иванов А. В. Освоение и развитие Сибири как третий российский стратегический геопроjekt / А. В. Иванов // *Вестник Омского государственного университета*. 2019. Том 24. № 3. С. 84-95.
7. Крайнов Г. Н. Догоняющая модернизация России: прошлое и настоящее / Г. Н. Крайнов // *Общественные науки и современность*. 2021. № 2. С. 79-89.
8. Немировский В. Г. Социальная конкурентоспособность: шансы на успех у молодежи и взрослых / В. Г. Немировский, А. В. Немировская // *Социологический журнал*. 2018. Том 24. № 2. С. 135-149.
9. Немировский В. Г. Социокультурная модернизация регионов Сибири: монография / В. Г. Немировский, А. В. Немировская. СПб.: Петрополис, 2013. 200 с.
10. Резник Ю. М. Образы цивилизационного будущего России: отдельные проекты и возможности их интеграции. Раздел 1 / Ю. М. Резник // *Вопросы социальной теории: научный альманах*. Том XII. 2020. Россия как цивилизация будущего / под ред. Ю. М. Резника. М.: Изд-во Независимого ин-та гражданского общества, 2020. С. 17-120.
11. Тишков В. А. Идентичность и жизненные стратегии молодежи в России / В. А. Тишков, Р. Э. Барабаш, В. В. Степанов // *Социологические исследования*. 2017. № 8. С. 81-87.
12. Яковец Ю. В. Евразийская цивилизация: исторические корни, этапы развития, стратегия возрождения. Научный доклад / Ю. В. Яковец. М.: МИСК, 2016. 72 с.
13. Atamanova I. V. Specificity of personality — environment interaction on the example of students from three Russian cities / I. V. Atamanova, N. V. Kozlova, S. A. Bogomaz, V. G. Zalevsky, Y. Y. V. Neyaskin // *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta*. 2018. Vol. 41. Pp. 90-105.
14. Eisenstadt S. N. *Modernization: Protest and Change* / S. N. Eisenstadt. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1966. 166 pp.
15. Eisenstadt S. N. Some Observations on Multiple Modernities. Reflections on Multiple Modernities: European, Chinese and Other Interpretations [Papers Presented at a Multiple Modernities Conference, Held May 20-21, 2001 in Berlin] / S. N. Eisenstadt; ed. by D. Sachsenmaier, S. Eisenstadt. Leiden; Boston: Brill, 2002. 314 pp.
16. Gafiatullina N. X. The Social Health of Russian Youth in the Era of Globalization / N. X. Gafiatullina, N. P. Lubech, S. I. Samygin. M.: RUSYNS, 2016. 235 pp.
17. Inozemtsev V. Russia's economic modernization: the causes of a failure / V. Inozemtsev // *Notes de l'Ifri. Russie.Nei.Visions*. 2016. September. No. 96. 26 pp.
URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/rmv96_inozemtsev_uk_protege.pdf
18. Luhmann N. *Die Gesellschaft der Gesellschaft*. I.1. Gesellschaft als soziales System / N. Luhmann. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1997. 1164 pp.
19. Merry W. The crisis of Russian modernization / W. Merry // *Open Democracy*. 2011. 20 July.
URL: <https://www.opendemocracy.net/en/odr/crisis-of-russian-modernisation>
20. Requies I. R. The construction of identity of young people in an interconnected society / I. R. Requies, E. F. Rodrigues, J. M. G. Pequeno, R. A. Martinez // *TEEM '16: Proceedings of the Fourth International Conference on Technological Ecosystems for Enhancing Multiculturalit*. November 2016. Pp. 603-610.
DOI:10.1145/3012430.3012581

Continuing the discussion¹

RESEARCH ARTICLE

DOI: 10.21684/2587-8484-2021-5-3-39-51

UDC 316.614.5

Identity of Siberian youth under Russian society modernization

Alexandr P. Pavlov

Cand. Sci. (Philos.), Associate Professor,
Department of Sociology,
Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)
ORCID: 0000-0001-6706-8374
pavloff56@list.ru

Abstract. The problems raised in the article by A. V. Ivanov and Yu. V. Popkov “Spiritual and ecological civilizational perspective: the value potential of youth in the Siberian context”, published in the journal “Siberian society” no. 1 (2021), are very relevant in conditions of serious internal and external “challenges”: coronavirus, sanctions of a number of countries against Russia, “brain drain”, especially among young people, the need for radical modernization of society in the context of globalization etc. Siberia is undoubtedly one of the centers of the Eurasian civilization. Siberia is a region not only with the richest natural resources, but, no less important, human resources. The main “human capital” is youth. The author of the article rightly notes the leading role of youth in modern socio-political and economic transformations. At the same time, “human capital”, and above all the youth potential of Siberia, is being used ineffectively. Moreover, young people, not seeing opportunities for self-realization in the Siberian region, find such opportunities outside its borders (in Moscow, St. Petersburg, and other countries). The “brain drain” of young people is an acute problem not only in Siberia, but throughout Russia. This article is about the topic of the spiritual and ethical component of modern civilizational processes, in which the social identity formation of young people takes a significant place. At the same time, some critical remarks were made about the article by A. V. Ivanov and Yu. V. Popkov. In particular, the expediency of referring to the experience of the past, to those values and morals that existed more than a hundred years ago, is questioned. Certain conclusions controversy of the article under discussion is noted. Although, according to the author, it is precisely in their ambiguity that its heuristic potential lies, since they encourage discussion and the formation of new approaches. The article highlights and analyzes three main paradigms of modernization. On the basis of N. Luhmann’s approach, the structure of the civilizational order as an autopoietic system is formulated. The necessity of preserving the unique socio-cultural landscapes of Siberia is substantiated.

Keywords: Siberia, youth, Eurasian civilization, modernization, ethos.

Citation: Pavlov A. P. 2021. “Identity of Siberian youth under Russian society modernization”. *Siberian Socium*, vol. 5, no. 3 (17), pp. 39-51.
DOI: 10.21684/2587-8484-2021-5-3-39-51

¹ The articles of the panelists will be published in the next issues of *Siberian Socium* as they are received and given the first priority (if they successfully pass the review process).

REFERENCES

1. Anisimova A. A., Yechevskaya O. G. 2013. "Siberian identity as a factor of sustainable development of Siberia". All-Russian economic journal ECO, no. 1 (463), pp. 58-76. [In Russian]
2. Drobizheva L. M. 2020. "Russian identity: search for definition and dynamics of distribution". Sociological research, no. 8, pp. 37-50. DOI: 10.31857/S013216250009460-9 [In Russian]
3. Popkova Yu. V. (ed.). 2010. Eurasian world: values, constants, self-organization. Novosibirsk: Nonparel. 449 p. [In Russian]
4. Zinoviev V. P. 2017. "Siberia in modern Russia: historical traditions and prospects of modernization". Bulletin of the Tomsk State University. History, no. 46, pp. 81-84. [In Russian]
5. Ivanov A. V., Fotieva I. V., Shishin M. Yu. 2014. "On the paths to a new civilization (essays on the spiritual and ecological worldview)". Barnaul: AltGTU Publishing House. 219 p. [In Russian]
6. Ivanov A. V. 2019. "Familiarization and development of Siberia as the third Russian strategic geoproject". Bulletin of Omsk State University, vol. 24, no. 3, pp. 84-95. [In Russian]
7. Krainov G. N. 2021. "Catching up modernization of Russia: past and present". Social sciences and modernity, no. 2, pp. 79-89. [In Russian]
8. Nemirovsky V. G., Nemirovskaya A. V. 2018. "Social competitiveness: chances of success among youth and adults". Sociological journal, vol. 24, no. 2, pp. 135-149. [In Russian]
9. Nemirovsky V. G., Nemirovskaya A. V. 2013. Socio-cultural modernization of regions of Siberia: monograph. St. Petersburg: Petropolis. 200 p. [In Russian]
10. Reznik Yu. M. 2020. "Images of the civilizational future of Russia: individual projects and opportunities for their integration. Section 1". Questions of social theory: scientific almanac. Vol. 12. Russia as a civilization of the future, pp. 17-120. [In Russian]
11. Tishkov V. A., Barabash R. E., Stepanov V. V. 2017. "Identity and life strategies of youth in Russia". Sociological studies, no. 8, pp. 81-87. [In Russian]
12. Yakovets Yu. V. 2016. Eurasian civilization: historical roots, stages of development, revival strategy. Scientific report. Moscow: MISK. 72 p. [In Russian]
13. Atamanova I. V., Kozlova N. V., Bogomaz S. A., Zalevsky V. G., Neyaskin Y. Y. V. 2018. "Specificity of personality — environment interaction on the example of students from three Russian cities". Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta, vol. 41, pp. 90-105.
14. Eisenstadt S. N. 1966. Modernization: Protest and Change. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall. 166 pp.
15. Eisenstadt S. N. 2002. Some Observations on Multiple Modernities. Reflections on Multiple Modernities: European, Chinese and Other Interpretations [Papers Presented at a Multiple Modernities Conference, Held May 20-21, 2001 in Berlin]. Edited by D. Sachsenmaier. Leiden; Boston: Brill. 314 p.
16. Gafiatullina N. X., Lubech N. P., Samygin S. I. 2016. The Social Health of Russian Youth in the Era of Globalization. Moscow: RUSYNS. 235 p.
17. Inozemtsev V. 2016. "Russia's economic modernization: the causes of a failure". Notes de l'Ifri. Russie.Nei. Visions, no. 96. 26 p. https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/rnv96_inozemtsev_uk_protege.pdf
18. Luhmann N. 1997. Die Gesellschaft der Gesellschaft. I.1. Gesellschaft als soziales System. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag. 1164 p.
19. Merry W. 2021. "The crisis of Russian modernization". Open Democracy. <https://www.opendemocracy.net/en/odr/crisis-of-russian-modernisation>
20. Requies I. R., Rodrigues E. F., Pequeno J. M. G., Martinez R. A. 2016. "The construction of identity of young people in an interconnected society". TEEM '16: Proceedings of the Fourth International Conference on Technological Ecosystems for Enhancing Multiculturalit, pp. 603-610. DOI:10.1145/3012430.3012581